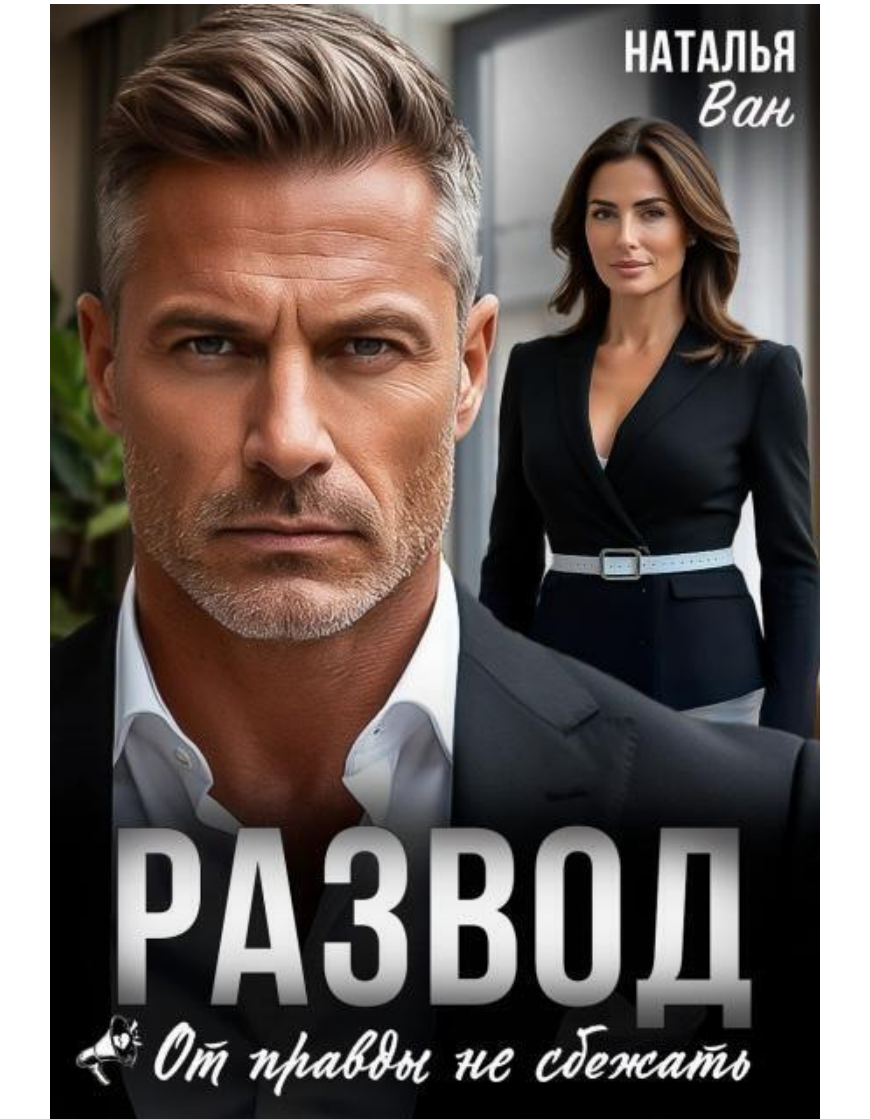

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

 От правды не сбежать

Наталья Ван

Развод. От правды не сбежать

<https://litres.ru/74207282>

Аннотация

— Это правда? У тебя есть сын? — слова даются мне с трудом.
— Да, — безжалостно чеканит он. — Ты же понимаешь, как это важно для человека с моим статусом. — Статус? Ты считаешь, что ребёнок "на стороне" — это для статуса? — Я не считаю, а чётко говорю: отныне для всех вокруг это не мой ребёнок, а НАШ. И я настоятельно советую тебе с этим смириться.

Двадцать лет брака. Две дочери. Совместная жизнь, построенная по кирпичикам. И всё это время у него была другая семья. О которой я узнала из новостей.

Книга участвует в литмобе: "Скандальный развод". Все книги можно найти по ссылке:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Визуализация героев	14
Визуализация героев ч.2	15
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	61
Глава 14	66
Глава 15	72
Глава 16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Оксана

Кофе в турке уже кипит. Густой запах кардамона наполняет кухню. По четвергам у нас есть выработанная годами традиция — семейный ужин. И Влад, конечно же, обещал сегодня вернуться пораньше.

Двадцать лет брака держатся не только на чувствах, но и на привычках и ритуалах. Я готовлюсь. Как всегда. Уже расстелила свежую скатерть, в духовке готовится вкусный ужин, а на столе стоит новая ваза. Он, конечно же, всё равно ничего не заметит, но для меня это важно.

Из гостиной слышен телевизор. Каждый раз, перед приготовлением ужина, я включаю его. Автоматически. Как фон. За столько лет я привыкла, что муж иногда появляется там чаще, чем дома.

Разливаю кофе в две чашки. Свою и его. Ставлю поднос на журнальный столик, и только тогда понимаю... Влада все еще нет. Он сказал, что будет не позднее пяти, но до сих пор не вернулся, а время уже подходит к шести.

Я устраиваюсь в кресле, подбираю ноги, наслаждаюсь первым глотком. Горячо, обжигающе приятно. Мир тихий, предсказуемый. Как я люблю.

“Сегодня Центральный парк превратился в настоящее королевство знаний...” — весело тараторит диктор. На экра-

не появляются первоклассники с бантиками и ранцами. Я уже тянусь за пультом, но вдруг картинка на экране обжигает сильнее, чем кофе.

Высокая фигура в костюме. Знакомая осанка. Широкие плечи. Владислав.

Он держит за руку мальчика в школьной форме. Ранец больше ребёнка, но мальчишка улыбается так, словно весь мир принадлежит ему. А рядом с ним мой муж. Гордый, нежный, абсолютно счастливый. Я таким его не видела лет десять.

Мой муж. И чужой ребенок.

Да, нет. Это наверно очередная акция от его компании. Хотя, не похоже. Школа не простая, а довольно дорогая. Престижная. Не всем по карману. На таком никто не пиарится, а значит...

Голос диктора звучит издевкой:

“Известный всем Владислав Орлов... Он ведет в первый класс своего сына? Да, точно! Это определенно его сын! С какой же нежностью он смотрит на своего ребенка! Мы определенно можем поздравить нашего уважаемого Владислава с наследником... Как же ему удавалось скрывать его от нас... Настоящий пример семейных ценностей...” — фразы то и дело обрываются. Их прерывает шум в ушах. Навязчивый гул.

Сын.

Чашка выскальзывает из рук. Хлопок, брызги кофе,

осколки на ковре. Я даже не моргаю. На экране опять появляется Влад. Он наклоняется к мальчику, поправляет воротник, что-то шепчет. Мальчик смеётся.

Семь лет. Первый класс.

Значит, всё это время... пока мы праздновали годовщины, выбирали новую квартиру, ездили в отпуск... у него была другая семья. И сын, о котором я не знала.

Воздуха не хватает. Шум в ушах глушит диктора.

“Сын... сын... сын...”

Телефон на столе оживает. Звонки. Сообщения. Значит, все уже знают. Весь город.

Я подхожу к камину, беру в руки фотографию. Мы всей семьей смеемся на пляже в Сочи. Его рука на моём плече. Та самая рука, что только что гладила по голове чужого мальчишку.

Нет. Не чужого. Его.

Осознание случившегося накатывает волнами. Он не прятался. Он пошёл в парк... ради сына. Скорее всего, он знал, что там будут репортеры, но все равно пошел. На камеру. Специально. С гордостью.

Потому что уверен, что я это проглочу. Или он надеялся, что я не узнаю? Нет. Это глупо. Слишком глупо для такого как он.

Внутри пустота. Белая, холодная, звенящая. Не истерика, не крик. Пустота, которая страшнее боли.

Я поворачиваюсь к телевизору. Там уже идет реклама йо-

гурта, но я знаю, что картинку с Владом видели все. Даже мои дочери. Даже мои родители.

Телефон вибрирует. На экране высвечивается имя: “Влад”.

Открываю его сообщение в надежде, что сейчас он все объяснит. Скажет, что все не так, как показывают, но вместо этого вижу простое: “На ужин задержусь. Дела”.

Глава 2

Оксана

В ушах белый шум. Плотная пелена, отделяющая меня от внешнего мира. Я механически смахиваю сообщение не в силах смотреть на его имя на экране. В руках тряпка, которой я тру еще недавно чистый пол.

Сейчас в квартире не пахнет, а буквально воняет горьким кофе. Запах, который я еще час назад обожала, теперь кажется отвратительным. Я тру, пока узор ковра не проступает сквозь разводы, пока пальцы не начинают ныть. Надо отмыть пол, собрать осколки.

Поднимаюсь, и комната снова плывет. Придерживаюсь за спинку кресла, жду, когда голова перестанет кружиться. Телефон на столе затихает. Видимо, сел аккумулятор. Или мне просто перестали звонить.

Иду на кухню, выбрасываю тряпку. Возвращаюсь в гостиную, присаживаюсь на корточки. Каждый осколок, который я подбираю, это осколок чего-то большего. Нашего мира. Нашего ритуала. Моего доверия. Все. Абсолютно все разбилось вдребезги, и теперь я ползаю по полу, собирая острые, опасные обломки. Одно неверное движение и порез обеспечен.

Резкий и настойчивый звонок в дверь раздается слишком неожиданно. Я вздрагиваю, и острый край фарфора впивается в подушечку пальца. Выступает капля крови. Идиотка.

— Мама! Мам, открой! Это мы! — голос Ирины испуганный, сдавленный. Она барабанит по двери, и я даже представляю, как это выглядит. Как ее кулаки обрушиваются на стальную конструкцию.

Я медленно встаю, несую осколки на кухню, выбрасываю в мусорное ведро. Палец сочится кровью. Я засовываю его в рот, чувствуя соленый металлический привкус, и иду открывать.

На пороге стоят мои девочки. Ирина, старшая дочь, стоит с широко раскрытыми глазами. В ее руке зажат телефон так, что костяшки побелели. Ее лицо бледное, испуганное. За ней стоит Марина, моя тихая, сдержанная Маринка. Она смотрит не на меня, а куда-то через мое плечо. Вглубь квартиры. Словно ищет там подтверждение случившегося кошмара.

— Мама, что происходит? — Ирина врывается в прихожую, хватая меня за запястья. — Мы видели... вечерние новости. Это же бред какой-то! На экране реально был папа? С каким-то мальчиком? Репортеры сказали, что это его сын.

Я молча киваю. Кажется, это все, на что я способна в данный момент.

— Может, это племянник? Не знаю. Какой-нибудь давно забытый. Или... или пиар-акция какая-то? — Ирина говорит быстро, захлебываясь. Ее глаза бегают по моему лицу в поисках опровержения. — Ну, знаешь, “возьми ребенка из детдома в первый класс”, вот это вот все? Да, Марин? Наверняка так!

Марина молча закрывает за собой дверь. Подходит ко мне, берет мою руку, смотрит на порез на пальце.

— Ты поранилась, — говорит она тихо, и в ее голосе нет истерики Иры. В нем ледяная, звенящая тишина, которая страшнее любых криков.

— Это не племянник, — так же тихо отвечаю я. Мой голос звучит хрипло и непривычно. — И это точно не пиар.

Я веду их в гостиную. Показываю на экран телевизора, который все еще работает.

— Они сказали... “его сын”. Очень конкретно.

— Может, они ошиблись? Ну, сама же знаешь, что они частенько приукрашивают ситуацию, — не унимается Ира, и я понимаю ее растерянность. Идеальный отец. Прекрасный муж. Все рухнуло в одно мгновение.

— Мам, она права. Давай спросим папу. Где он? — спрашивает Марина все так же тихо, но не отпуская моей руки. — Он звонил? Пытался объяснить?

— Нет, — горько усмехаюсь. — Он написал, что задержится. Задержится. И это в такой-то момент, — мой голос надламывается.

— Хорошо. Ладно. Давай я ему позвоню, — она тут же хватается телефон. Ее руки дрожат. Несколько щелчков по экрану и она прислоняет телефон к уху, но я слышу, как металлический голос тут же отвечает: “Аппарат абонента выключен или...”

Ирина издает какой-то сдавленный звук, похожий на ры-

дание, и плюхается на диван, закрывая лицо руками.

— Нет, мам. Этого не может быть... Не может. Папа бы не... Он же нас любит! Нашу семью! Он дорожит нами.

Я смотрю на нее и понимаю, что должна сказать что-то. Объяснить. Успокоить. Но язык словно не ворочается. Он прирос к нёбу и отказывается подчиняться. Но я мать. Я должна их защитить от навалившегося ужаса, а вместо этого я сама источник этой боли. Этот разбитый сосуд, из которого вытекает вся наша прежняя жизнь.

— Я тоже так думала, — говорю я наконец. — Я думала, мы его семья.

Марина подходит к телевизору и выключает его. Резкая тишина обрушивается на нас, становясь еще громче любого шума.

— Значит, у папы есть другая женщина, — констатирует она без эмоций. — И ребенок. Причем долгое время. И он даже не пытается сейчас это скрыть.

— Может, он попал в аварию? Лежит в больнице без памяти! — выдает Ирина очередную версию, поднимая заплаканное лицо. В ее глазах отчаянная надежда.

— Ириш, хватит, — мягко, но решительно говорит Марина. — Он не в больнице. Он вел своего сына в школу перед камерами. Он в полном порядке. И, скорее всего..., — ее взгляд скользит ко мне. — Скорее всего, он сейчас с ними.

Она подходит к окну, раздвигает шторы.

— Кроме нас, об этом уже знают все. У подъезда журна-

листы.

Я подхожу к ней и заглядываю вниз. Она права. Внизу, на тротуаре, стоит кучка людей с камерами. Они что-то жуют, смеются, один курит. Обычный рабочий день. У них сенсация. У меня рухнувшая жизнь.

Ирина подходит с другой стороны, смотрит вниз, и ее лицо искажается от гнева.

— Сволочи! Как они смеют?! Это наша личная жизнь!

— Для папы это перестало быть личной жизнью, когда он появился в этом чертовом парке с заменой нашей семьи, — холодно замечает Марина.

Мы стоим у окна. Я чувствую, как дрожь, которую я сдерживала все это время, начинает подступать изнутри. Колени подкашиваются.

— Мам, садись, — командует Марина, подхватывая меня под руку и уводя подальше от окна. Она усаживает меня в кресло. То самое, из которого я час назад наблюдала за крушением своего мира.

— Ира, принеси маме воды.

Ирина послушно идет на кухню. Марина стоит напротив. Ее взгляд четкий, аналитический.

— Что мы будем делать? — спрашиваю я, и мой голос снова предательски дрожит.

— Мы подождем, пока он появится, — говорит Марина. — И он появится. Рано или поздно. И тогда мы все узнаем. Ирина возвращается со стаканом воды. Я беру его, но ру-

ки трясутся так, что вода расплескивается. Девочки садятся на диван напротив меня. Мы молчим. Ждем. Сидим в просторной квартире, которая внезапно стала ловушкой. А снаружи город, который уже все знает. И мужчина, который предал нас всех, не моргнув и глазом.

И я понимаю, что самое страшное еще впереди. Это затишье. Это ожидание. Это предчувствие того, что когда он войдет в эту дверь, это уже будет не мой муж, а чужой, циничный человек. И мне придется посмотреть ему в глаза.

Визуализация героев

Наша Оксана
Любящая жена, прекрасная мать и...
преданная женщина, которая верила в их счастливую семью
с мужем.

Визуализация героев ч.2

Муж нашей героини.
 Орлов Владислав собственной
персоной

Глава 3

Оксана

Мы сидим в гостиной, как три статуи, застывшие в ожидании приговора. На камине тикают часы. Каждый щелчок отдается в висках пульсирующей болью. Я смотрю на свои руки, сцепленные на коленях. Эти руки утром варили кофе для человека, который предал их. Они поправляли салфетки, гладили его рубашки, строили уют в этом доме-иллюзии.

Ирина первой не выдерживает тишины. Она вскакивает и начинает метаться по комнате, как раненый зверь.

— Не может этого быть! — вырывается у нее снова, будто она пытается убедить саму себя. — Папа... Он же всегда был с нами. Мам, помнишь, как он учил меня кататься на велосипеде? А как он сидел с Маринкой, когда у нее была ангина, и читал ей вслух? Это же не тот человек, который... который способен на такое!

Марина сидит неподвижно, ее взгляд прикован к двери. Она не спорит, не соглашается. Ей проще молчать.

— Может, его шантажируют? — продолжает Ирина, останавливаясь передо мной. — Или у него появился двойник? Или...

— Или он играл с нами, точно так же, как играл для всех остальных. Для экрана. Для репортеров. Играл в идеальную семью, в прекрасного отца и лучшего мужа, — мои слова

звучат словно сквозь толщу воды.

— Мам, ну ты же понимаешь, что...

Снаружи раздается щелчок ключа в замке. Единственный, резкий, безошибочно знакомый звук.

Мы все замираем. Даже Ирина обрывает свой монолог на полуслове.

Дверь открывается. Владислав.

Он входит так, как делает это всегда. Уверенно, заполняя собой пространство. Снимает пальто, вешает его на вешалку. Его движения выверены, спокойны. На лице нет ни тени волнения, ни признаков бури, которая бушует в этой комнате. Он бросает на нас беглый взгляд.

— А вы чего тут, как на поминках, устроились? — его голос звучит ровно, даже с легкой насмешкой.

Притворяется, что не понимает. Но я-то знаю. Он всегда смотрит новости. Всегда контролирует свой образ. Значит, он все видел. И ему плевать.

Он проходит на кухню. Мы слышим, как он наливает себе стакан воды, делает глоток. Потом возвращается. Останавливается в дверном проеме, опираясь о косяк и ослабляя галстук, который я завязывала ему с утра.

— Ну и? Я так понимаю, что ваша бурная реакция из-за новостей? — спрашивает он, и в его тоне я слышу не раскаяние, а раздражение. Легкое, сдержанное, но раздражение.

Ирина не выдерживает первой.

— Папа! Что это было? Кто этот мальчик? Это правда

твой сын? — тараторит она. — Подожди! Стой! Не говори! — она затыкает уши так, как всегда делала в детстве, когда отказывалась слышать правду, которая ей точно не понравится.

Владислав медленно переводит взгляд на нее, потом на Марину, и наконец на меня. Его глаза холодные, оценивающие.

— Да, — говорит он с легкостью. — Это был мой сын. Артем. Ему семь лет.

В комнате повисает гробовая тишина. Слово “семь” висит в воздухе, такое тяжелое и значимое. Семь лет лжи.

— Как..., — я пытаюсь говорить, но голос срывается. — Как ты мог?

Он пожимает плечами, как будто я спросила о погоде.

— Оксана, не драматизируй. Ну есть ребенок. И что? Мужчинам нужен наследник. Продолжение рода. Ты родила мне дочерей, — его голос становится жестче. — Прекрасных девочек, — он кивает в сторону Иры и Марины, и этот жест кажется таким оскорбительным. — Но кроме них, мне нужен был и сын. Наследник. Для статуса. И я его получил.

— Ты... все эти годы... у тебя была другая семья? — выдыхаю я.

— Не семья. Стратегическое вложение, — отвечает он, и в его голосе сквозит нетерпение. — Алиса. Мать Артема. Она хорошая девушка. Она не лезет не в свои дела, не устраивает сцен. Она знает свое место. Артем наш с ней сын. Он будет

учиться в лучшей школе, у него будет прекрасное будущее, — он делает паузу, смотрит прямо на меня. — И ты не будешь этому мешать.

— Мешать? — я вскакиваю с кресла, и комната снова плывет перед глазами. — Ты разрушил нашу семью! Ты все эти годы лгал мне! Ты выставил нас на посмешище перед всем городом!

— Никто никого не выставлял на посмешище, — холодно отвечает он. — Просто так получилось. СМИ уже растиражировали новость. Теперь все знают, что у меня есть сын. И этого не замаять. Тем более, если я сейчас начну от него отрекаться, меня просто съедят. Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы моя карьера пошла под откос?

— Ты мог это остановить. Мог сделать так, чтобы никто не узнал, но ты...

— Хватит истерик, Оксан, — бросает он через плечо, уже отворачиваясь, словно наш разговор исчерпан. — Ты всегда была умной женщиной. Прояви ум и сейчас. Тебе придется смириться с тем, что есть. Иначе придется столкнуться с последствиями. Отныне Артем не просто мой сын. Он НАШ сын.

Глава 4

Оксана

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Он говорит о своей карьере. В тот момент, когда наша совместная жизнь разлетается в прах.

— Я хочу развода, — говорю я, и мой голос, к моему удивлению, звучит твердо.

Владислав издает короткий, сухой смешок. Надменный. Смех человека, который уверен в том, что все будет именно так, как он пожелает. Он отходит от дверного косяка и делает несколько шагов в мою сторону.

— Какой такой развод, Оксана? — его голос становится тише, но от этого только опаснее. — Ты вообще кто? Домохозяйка. Красивая, ухоженная, но домохозяйка. Вся твоя жизнь — это я, этот дом и девочки. На что ты будешь жить? Рассчитываешь на алименты? — он усмехается. — Так я и дал тебе их оформить. Ты останешься без гроша. Без этого дома. Дети от тебя отвернутся. Я уничтожу тебя в суде. Ты станешь просто истеричной женой, а я останусь уважаемым человеком с безупречной репутацией.

Его слова обрушиваются на меня, как удары. Каждое слово точное, расчетливое, направленное в самое больное место. Он знает все мои страхи. И он использует их против меня.

— Я твоя жена! Я имею право оставаться здесь столько, сколько посчитаю нужным, — кричу я, и в голосе слышны слезы, которых я так старалась избежать.

— Так тебе никто и не мешает ей оставаться, Оксана. Это ты сейчас начала петь про какой-то развод, — насмехается он. — Хочешь и дальше быть моей женой? Отлично, я не против. Будь умницей. Успокойся. И прими ситуацию. Смирись уже. К чему эти нервы? — он подходит еще на один шаг ко мне. Опасно. С грацией хищника. Хозяина жизни. — Оглянись. Мир давно изменился. Вон на Востоке жены и по двадцать человек живут в согласии и понимании, не то что ты сейчас. Давай. Возьми себя в руки. И все будет хорошо. Я же даже не говорю тебе о том, что Алиса будет жить с нами. Она так и останется там. За пределами нашего дома. Так что дыши. Не нагнетай ситуацию, — его слова такие надменные, безжалостные.

Он поворачивается и идет в свой кабинет, как будто только что отчитал нерадивого подчиненного. Дверь за ним закрывается с мягким, но окончательным щелчком.

Я остаюсь стоять посреди гостиной, дрожа всем телом. Ирина смотрит на меня с ужасом. Марина с каменным лицом, но я вижу, как сжаты ее кулаки.

Он не просто предал нас. Он даже не считает, что совершил что-то ужасное. Для него это норма. А я — проблема, которую нужно решить. Непокорная жена, которую нужно поставить на место.

Слова Владислава так и висят в воздухе ядовитым туманом между мной и моими девочками. И я не знаю, что именно задевает меня больше. Его слова про то, что я никто без него. Или про то, что его нагулянный ребенок теперь внезапно станет НАШИМ.

“Он будет твоим сыном”. “Никто не узнает”. “Ты останешься без гроша”.

И самое страшное то, что в его словах есть доля правды. Я и правда всего лишь домохозяйка. Да, с небольшим бизнесом, но он не прокормит меня и девочек как следует. Не поможет оплатить их обучение. Не сможет обеспечивать их жизнь на том же уровне. Я только начала. Еще не встала на ноги, а тут его сын. И вся эта ложь.

Я не знаю, как мне сейчас быть, но я смотрю на лица своих дочерей. На шок и боль в глазах Ирины. На молчаливую ярость Марины. И понимаю, что я найду выход. Я буду жить ради них. И я найду способ сражаться. Даже если не знаю, как именно.

— Мама? — тихо, даже испуганно зовет Ирина, отходя от шока. Ее голос будто доносится до меня из-под толстого слоя воды. — Он... он не может этого требовать на полном серьезе, — начинает она, и ее голос срывается. — Это же безумие! Притворяться, что этот... этот мальчик. Что он твой сын? Наш брат? Он с ума сошел!

Я молча иду к дивану и опускаюсь на него. Ноги больше не держат. Внутри холодная и бездонная пустота.

— Он не сошел с ума, — говорю я, и мой голос звучит глухо и отчужденно, будто принадлежит кому-то другому. — Он все просчитал. Это не импульс. Это план. Его план.

Глава 5

Оксана

Мои девочки. Моя опора. Моя жизнь. Они смотрят на меня и, кажется, не понимают ничего. Но я понимаю. Я все понимаю. Когда ты долгое время живешь с человеком, ты знаешь, о чем он думает. Знаешь его повадки и можешь предугадать его следующие шаги.

Если смотришь. Если ты заинтересован в его жизни.

Я была заинтересована. Я старалась всегда делать так, как просил мой муж. Слушала. А вот он... он думал о себе и теперь это его главное упущение.

— Какой план, мам? Как он вообще мог что-то спланировать? Что-то настолько... настолько..., — почти кричит Ирина, но в конце просто обессиленно выдыхает. — Он же не всерьез решил сделать тебя матерью чужого ребенка? Это же унижительно!

— Это его план по сохранению своей репутации, Ир, — тихо, но четко говорит Марина. Она не двигается с места, ее взгляд прикован к закрытой двери кабинета. — Ему плевать, что это унижительно для мамы. Ему плевать на наши чувства и на то, что он прямо сейчас буквально прямым текстом сказал, что мы ничего для него не значим. Он видит только один путь. Тот, где его образ “идеального семьянина” остается нетронутым. А мы всего лишь инструменты для

поддержания этого образа.

Она поворачивается ко мне, и в ее глазах я впервые вижу не детскую обиду, а холодную, взрослую ярость.

— Он прав в одном, мам. Если ты откажешься, он действительно уничтожит нас. Финансово. Социально. Он это может.

— Значит, мы должны согласиться? — в голосе Ирины слышны слезы. — Мы должны притворяться, что у нас есть брат, которого мы никогда не видели? Что мама все эти годы скрывала своего ребенка? Это же бред!

— Это не согласие, — говорю я, внезапно чувствуя, как какая-то часть меня, окаменевшая от шока, начинает медленно оттаивать, наполняясь не болью, а чем-то твердым и тяжелым, как свинец. — Это ультиматум. Война. И он только что объявил ее нам. Он думает, что поставил меня в безвыходное положение. Что у меня нет выбора.

Я поднимаюсь с дивана. Ноги все еще ватные, но я держусь.

— Мама? — снова зовет Ирина, но теперь в ее голосе надежда.

— У меня всегда есть выбор, — говорю я, глядя на обеих дочерей. — Я могу подчиниться. Стать марионеткой в его спектакле. Жить в этом доме, улыбаться ему и его... сыну на камеру. И с каждым днем все больше ненавидеть себя. Или..., — я делаю глубокий вдох. — Или я могу начать сражаться.

— Но как? — спрашивает Марина. Ее взгляд все так же суров, но в нем появляется искра интереса. — Он контролирует все деньги. У него есть связи. У нас... есть только эта квартира и ты.

— И вы, — поправляю я. — У меня есть вы. И у меня есть я. Та, кем я была до того, как стала “женой Владислава Орлова”. Та, что сама зарабатывала себе на жизнь, пока не родила Иру. Та, что не боялась трудностей.

Я подхожу к окну, отодвигаю край шторы. Внизу, у подъезда, все так же толпятся журналисты. Но теперь я вижу их не как угрозу, а как... возможность. Инструмент. Оружие, которое можно повернуть против самого стрелка, если все продумать наперед.

— Он хочет, чтобы я молчала и подыгрывала. Значит, мое молчание — это то, что ему нужно больше всего. А раз так, то это мой главный козырь, — я поворачиваюсь к дочерям. — Я не буду ничего делать сгоряча. Я не буду звонить в СМИ и кричать о его изменах. Это именно то, чего он от меня ждет. Он ждет истерики и, скорее всего, он уже подготовился к этому. Обрезал мне все возможные пути, но я и не буду поступать так необдуманно.

Я смотрю на Ирину, потом на Марину.

— Мы будем молчать. Внешне мы послушные, шокированные, но согласные члены семьи. Мы дадим ему понять, что я “обдумываю его предложение”. А тем временем...

— Тем временем мы будем искать доказательства, — за-

канчивает мысль Марина, и на ее губах появляется едва заметная, холодная улыбка. — Все, что можно будет использовать против него, когда придет время.

— Именно, — киваю я. — Фотографии, переписки, доступ к его счетам... Все, что может помочь мне в суде. Все, что может разрушить его идеально выстроенную ложь. Он думает, что играет в шахматы и уже поставил мат. Но он не учел одного.

— Чего? — шепчет Ирина со всей своей наивностью, замороженно глядя на меня.

— Он не учел, что загнанная в угол мать способна на все, чтобы защитить своих детей. И свою жизнь. Настоящую жизнь, а не ту пародию, что он мне предлагает.

Я подхожу к прикроватной тумбочке, где лежит мой старый, допотопный ноутбук. Включаю его. Он гудит, медленно загружаясь.

— Что ты делаешь? — спрашивает Марина.

— Начинаю сражаться, — отвечаю я, открывая браузер. — С самого простого. Ищу лучших адвокатов по бракоразводным процессам в городе. А потом... потом я поищу, как восстановить мой старый диплом и найти работу. На всякий случай.

Я поднимаю взгляд на дочерей. Впервые за этот бесконечный день я чувствую не боль и не страх, а нечто иное. Холодную, сосредоточенную решимость.

— Он объявил войну. Что ж, он ее получит. Но по моим

правилам. Или вовсе без них.

Глава 6

Оксана

Владислав так больше ничего и не сказал. Весь вчерашний день пролетел как одно мгновение. Девочки до поздней ночи ходили как в воду опущенные, а он вел себя так, словно ничего не случилось. Но это было вчера. Сегодня все будет иначе. Сегодня я начну действовать.

Я стою перед зеркалом в прихожей и наношу помаду. Рука не дрожит. Ровный красный контур — мой боевой раскрас. Я надеваю тренч, подпоясываю его, проверяю, что в сумке лежат ключи от машины, кошелек и паспорт. Всё. Я готова.

Из гостиной за мной наблюдают две пары глаз. Ирина, бледная, с подушкой в обнимку, и Марина, стоящая в дверном проеме со скрещенными на груди руками.

— Мам, ты же понимаешь, что они там, да? — голос Ирины дрожит. — Журналисты. Они облепят тебя, как репей, как только ты выйдешь из подъезда. Они не дадут тебе прохода.

— Я знаю, — спокойно отвечаю я, поправляя воротник.

— И папа..., — Ирина закусывает губу. — Он теперь будет контролировать каждый твой шаг. Ты же понимаешь? Каждый!

Я поворачиваюсь к ним. Лица дочерей такие разные. Одно искажено страхом, отчаянием на грани с истерикой, а другое

холодной яростью. И в обоих читается один вопрос: “Что теперь будет?”

— Девочки, я всё знаю. Я прекрасно всё понимаю. Но я не могу сидеть здесь, сложа руки, в этой золотой клетке. Не могу прятаться и ждать, когда он выкинет следующий фокус. Когда он приведет в этот дом ту... женщину. Или своего сына. Он не ставит ни в грош все наши прожитые годы.

Я делаю шаг к ним, и мой голос звучит тише, но твёрже.

— И ладно, я. Хорошо. Любовь проходит и прочее. Но вы... вы его дочери. Его дети. Его плоть и кровь. И он так с вами поступает. Выкидывает ваше детство, ваши воспоминания, как мусор, ради своего “наследника”.

— Мам, но он... он сильный, — шепчет Ирина, и в её глазах тот самый ужас, который Владислав культивировал в нас годами. — Он уничтожит нас.

— Нет, — тут же парирует Марина. Её глаза горят. — Он просто человек. Такой же как и все остальные. Да с властью, но и у него есть уязвимые места. Я иду с тобой, мама.

Я качаю головой, глядя на свою дочь.

— Нет, Марин. Тебе нужно быть здесь. С Ирой. Ты её щит. А мне... мне нужно сделать это одной. Первый шаг. Он самый трудный, но он мой.

— Но это будет война, мам, — не сдаётся Марина. Её взгляд умный, аналитический. — Долгая и грязная. И даже найти адвоката, который согласится пойти против него идти... Это практически нереально. У него везде рыльце в пу-

ху, все его боятся или куплены.

Я беру сумку с консоли. Кожаная ручка прохладная. Она приводит в чувство.

— Я знаю, Марин. Но если не я, то кто? Если не сейчас, то когда? Когда он приведет того мальчика жить в твою комнату? Вы хотите унижаться перед ним или строить свою жизнь. Именно свою. Там, где только вы вправе принимать решения.

Я вижу, как содрогаются плечи Ирины. Марина стискивает челюсти. Они понимают. Я не преувеличиваю. Это наше завтра, если мы сдадимся сегодня.

Я поворачиваюсь к двери. Кладу руку на ручку. Делаю глубокий вдох. Это не просто дверь. Это граница между старой жизнью и новой. Между рабыней и свободным человеком.

Я толкаю ее вперед, но голос за моей спиной заставляет остановиться. Сжать зубы до хруста и обернуться.

Я делаю глубокий вдох. Играй, Оксана. Играй так, как никогда, чтобы выиграть себе время в этой борьбе.

Глава 7

Оксана

Влад стоит, прислонившись к стене. Он явно ждал моих дальнейших действий. Он в домашней одежде, в руке чашка с эспрессо, на лице маска полного равнодушия. Он делает небольшой глоток, его оценивающий, холодный взгляд скользит по мне с ног до головы.

— Оксана.

— Да? — я с уверенностью выдерживаю его тяжелый взгляд.

— И куда это собралась в такую рань? — его голос ровный, без единой нотки интереса. Он всем своим видом показывает, кто здесь хозяин положения.

Сердце на секунду уходит в пятки, но я не подаю вида. Я смотрю ему прямо в глаза.

— В магазин за продуктами. Ты давно в холодильник заглядывал? Там пусто, — без колебаний отвечаю я.

Он усмехается. Это короткий, сухой звук, от которого по телу пробегают мурашки.

— Оксан, — он произносит моё имя с лёгким пренебрежением, как обращаются к непослушному ребёнку. — Ты же не будешь делать глупостей? Правда? Ты же у меня умная женщина. Ты же прекрасно понимаешь, что я тебя всё равно переиграю. Такие, как я, всегда побеждают.

В его тоне нет злости. Есть лишь абсолютная, непоколебимая уверенность в своей силе и моей слабости. Это даже не угроза. Это констатация факта, с его точки зрения.

Я пожимаю плечами, изображая легкое безразличие, которое дается мне невероятным усилием воли.

— Я и не пытаюсь ничего “сделать”, Влад. Продукты купить — это не вселенский переворот. Это необходимость. Человеку, чтобы жить, необходимо питание. Это нормально.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд, его взгляд пытается просверлить меня, найти трещину, страх. Но я просто стою.

— Хорошо, — наконец говорит он. — Раз так.

Он делает шаг, чтобы пройти мимо. Вернуться в свой кабинет, к своим делам и своим мыслям о величии. Но на полпути он внезапно останавливается. Не оборачиваясь, через плечо, он пренебрежительно бросает:

— Кстати, дорогая... даже не думай снимать деньги со счетов. С этого дня каждую копейку будут контролировать мои люди. Каждую.

Я молчу. Воздух в прихожей становится ледяным. Девочки молчат. Ира, уткнувшись в подушку. Ей явно сложнее всех. Она чуть ли не плачет, видя крах нашей семьи, но Марина... Она сжимает кулаки, готовая броситься на отца в любой момент. Моя бунтарка.

— И еще, — он все же удостаивает меня своим взглядом, — не думай, что твой “бизнес”, — он бросает это слово с та-

кой ядовитой насмешкой, что меня передергивает, — будет тебе что-то приносить. Что-то большее, чем просто финансы на твои побрякушки. Если я не позволю, он не будет приносить тебе вообще ничего. Подумай об этом прежде, чем совершать глупости.

Он продолжает свой путь, пока его шаги не затихают в глубине квартиры.

Я не двигаюсь ещё с десятков секунд, давая своему сердцу успокоиться. Его слова — это капкан. Он думает, что методично отрезает мне все пути к отступлению, к самостоятельности. Деньги. Бизнес. Он считает, что знает все мои уязвимые места, но нет.

Я игнорирую его слова и выхожу из квартиры. Дверь с тихим щелчком закрывается за моей спиной, отделяя меня от того мира, где я была женой Владислава Орлова.

Я стою на площадке, опираясь ладонью о прохладную стену, и делаю первый по-настоящему свободный вдох за много лет.

Он думает, что может меня переиграть. Он уверен, что держит все нити в своих руках, что я всего лишь пешка на его шахматной доске.

Но он многого не знает. Слишком многого.

Он не знает, что за годы жизни “в тени” я научилась не просто слушать, но и слышать. Он не знает, какие разговоры я вела на его пышных приёмах, с какими людьми обменивалась ничего не значащими улыбками, которые сейчас могут

обрести значение. Он и не помнит о своих старых связях, но я помню. Он, кажется, не знает обо мне ничего.

Я спускаюсь по лестнице, готовая встретить щелчки камер и тупые вопросы. Готовая к его осаде. Готовая к войне.

Потому что у меня появилось то, чего нет у него. Мне нечего терять. А у него есть целый мир, который он так боится разрушить. И это его главная слабость.

Глава 8

Оксана

— Мам, одумайся! — раздается за моей спиной голос дочери.

Я оборачиваюсь прямо на лестничной площадке. За мной, запыхавшись, стоит Марина. В ее глазах не страх, а яростная, почти отчаянная решимость.

— Репортеры, — выдыхает она, хватая меня за рукав. — Они сожрут тебя. Растерзают. Давай пойдем все вместе. Я, ты, Ира. Так будет легче. Спокойней. Вместе мы справимся с ними.

Я смотрю на нее, на моего ребенка, который в свои годы уже пытается стать моим щитом.

— Они все равно будут ждать, Марин. Так к чему прятаться? Сейчас это сыграет против нас.

— Папа..., — она понижает голос до шепота, — папа позволил тебе уйти не просто так. Ты же понимаешь, что это значит?

Я сжимаю сумку так, что кожа трется о пальцы.

— Понимаю. Это значит, что у него все схвачено. Он уверен, что я ничего не смогу сделать. Что я испугаюсь и вернусь. Или... или он уже решил все эти вопросы. Договорился с кем нужно и мои слова ровным счетом не будут стоить ничего.

— Вот именно. Он считает, что умнее всех. Мы с Ирой точно выходим с тобой.

— Нет, Марин, — мой голос звучит тверже, чем я предполагала. — Ты останешься с ней дома. Она не справится с этим давлением. Ты знаешь, как ей тяжело. Она даст волю эмоциям, и это не приведет ни к чему хорошему. Не сейчас. Пока рано. Еще нельзя.

Лицо Марины искажается от протеста.

— Мам...

— Марин, прошу тебя. Это не просьба. Это стратегия. Мне нужен тыл. Надежный тыл. Ира наш тыл, а ты ее защита. Поняла?

Она закусывает губу, но после секундной борьбы кивает. Сдается. Неохотно, но сдается.

— Ладно. Хорошо. Я останусь с ней дома. Помогу ей прийти в себя и перестать себя накручивать.

— Спасибо, милая. Я быстро.

— Ты же... не только в магазин. Да?

— Да. Ты правильно все поняла.

Она кивает в ответ. Я вижу, как она закусывает нижнюю губу. Явный признак ее нервозности, но так нужно.

Я поворачиваюсь и спускаюсь по лестнице. Каждый шаг отдается гулким эхом в подъезде. Я не выгляжу как обезумевшая от горя жена. За годы жизни с Владиславом я научилась надевать маски. И сейчас на мне маска ледяного спокойствия. Я крепость.

Открываю дверь и первый же щелчок фотоаппарата бьет мне в лицо, как вспышка боли. Потом еще один, и еще. Ко мне бросаются несколько человек, наперебой задавая вопросы. Их голоса сливаются в оглушительный гул.

— Оксана Викторовна! Правда ли, что у вас с мужем есть семилетний сын?

— Вы скрывали его все эти годы?

— Как вы себя чувствуете после того, как ваша тайна раскрылась?

Я иду, глядя прямо перед собой, с безразличным, почти каменным лицом. Я чувствую, как дрожат руки, и сжимаю ключи так, что металл впивается в ладонь.

“Просто дойти до машины. Сесть. Уехать”.

Я слышу другой голос, молодой и настойчивый:

— Оксана Викторовна, а правда ли, что вы все эти годы занимались благотворительностью, пока рос ваш сын?

Это новая версия. Уже не “скрывала беременность ради карьеры мужа”, а “занималась благотворительностью”. Пи-ар-машина Владислава работает на полную мощность, создавая красивый миф. От этого становится еще отвратительней.

Я молча сажусь в машину, завожу двигатель и плавно трогаюсь с места, не глядя на них. В зеркале заднего вида я вижу, как они еще какое-то время смотрят мне вслед, а потом начинают расходиться. Сенсации не получилось. Жена вышла, села в машину и уехала. Без слез, без истерик. Слишком скучно для новостей.

Я еду по городу, не видя его. Руки все еще дрожат на руле. Эта первая, крошечная победа под названием: “Просто выйти и не сломаться”, далась мне невероятным усилием воли. Но она дала мне нечто важное. Я увидела врага. И поняла, что он не всесилен. Он тоже зависит от картинки, от сенсации. А я могу эту картинку не давать.

Мой план на сегодня скромн. Магазин и встреча с адвокатом. Хотя бы так. Постепенно. Шаг за шагом, чтобы не привлекать внимания пока я не буду готова к открытой борьбе.

Глава 9

Оксана

Я сворачиваю на обочину. Ключ щелкает в замке зажигания. Двигатель глохнет. Я уже мысленно проложила маршрут до супермаркета, как вдруг рука сама замерла на рычаге коробки передач и заставила свернуть.

Нет. Так не пойдет.

Если я сначала поеду за продуктами, а потом к адвокату, то я задержусь. Влад обязательно это заметит. Ему придет оповещение по карте, и он с легкостью рассчитает, сколько времени мне понадобится на обратную дорогу и если я задержусь....

Логичнее сделать главное сразу. Найти причину и немного свернуть с маршрута. Магазин — идеальное алиби на обратном пути, но сейчас оно мне не поможет.

Я заново завожу двигатель, поворачиваю руль и выезжаю на проспект в сторону делового центра. Сердце колотится не от страха, а от адреналина. Это мой первый самостоятельный манёвр против него.

Через двадцать минут я останавливаюсь у небоскрёба из стекла и бетона. Окружающие здания переполнены кричащими вывесками юридических фирм. Настоящий улей справедливости, и где-то здесь должен быть мой шанс.

Но сначала еще один отвлекающий манёвр. Рядом с небо-

скрёбом, как я и рассчитывала, расположена небольшая аптека. Захожу в нее и делаю вид, что изучаю витрину. Потом покупаю первую попавшуюся коробку с непонятным названием. Уже на коробке читаю, что препарат помогает нормализовать вторую фазу женского цикла. Отлично. Влад точно не захочет про это слушать. Мелочь, но это хоть какая-то причина моего присутствия здесь.

Вот только это оказывается самым простым. Дальше начинается ад.

Я посещаю первую адвокатскую контору. Солидная вывеска, дорогой ресепшн. Меня провожают в кабинет к юристу с усталыми глазами. Я кратко излагаю суть: “Владислав Орлов, развод, внебрачный ребенок”.

Он не говорит ни слова. Просто берет с полки толстый том и кладет его на стол между нами. Раскрывает на статье о клевете. Потом выразительно смотрит на меня не произнося ни слова.

— Я поняла, — говорю я, поднимаясь на ноги. Мое лицо горит от несправедливости. Он даже не захотел выслушать все, что я ему скажу. — Спасибо за уделенное время.

Вторая контора. Молодая женщина-адвокат сначала слушает с интересом, но когда я произношу имя мужа, её лицо каменеет.

— Мне жаль, Оксана Викторовна. Мы не берем дела против персон такого уровня. Конфликт интересов. Вы должны нас понять.

Она даже не смотрит на меня, когда я ухожу. Отводит взгляд и делает вид, что безумно увлечена бумагами на своем столе.

Третья. Пожилой адвокат, похожий на старого профессора, выслушивает меня, кивая.

— Сложное дело, — вздыхает он. — Очень сложное. Владислав Игоревич... человек с большими связями. Я бы с радостью помог, но, боюсь, моя скромная практика не потянет такого гиганта. Он раздавит нас, как муравьев. Вам нужен динозавр, равный ему по силе. А таких в городе... единицы. И они на его стороне.

Четвертая... Пятая... Везде одна и та же картина. Фамилия “Орлов” действует как заклинание, превращающее профессиональных юристов в немых и беспомощных статуи. Одни откровенно трусят, другие прячут страх за маской “процессуальных сложностей”. Кто-то вежливо отказывает, кто-то смотрит на меня с нескрываемой брезгливостью, словно я принесла в их стерильный офис заразу.

Я выхожу из последнего офиса, и на меня накатывает волна отчаяния, острая и солёная, как морская вода. Я знала, что будет нелегко. Но чтобы настолько... Чтобы они боялись даже разговаривать? Он построил вокруг себя такую стену, что пробить её кажется невозможным. Я здесь никто. Просто тень, которую он отбросил.

Сажусь в машину, и устало кладу голову на руль. Несколько минут просто дышу, борясь с комом в горле. Нет. Я не

сдамся. Если большие конторы боятся, значит, нужно искать тех, кто не встроился в его систему. Молодых, голодных, принципиальных. Или тех, у кого есть свои счёты с такими, как он. Нужно искать другой способ.

А сейчас... сейчас нужно играть свою роль.

Я еду в гипермаркет на окраине города. Беру тележку и медленно двигаюсь между стеллажами. Молоко, хлеб, яйца, макароны. Ничего лишнего, ничего, что могло бы выдать во мне женщину, готовящуюся к войне. Потом отдел гигиены. Прокладки. Тампоны. Зубная паста. Мыло. Все самое обычное.

Подхожу к кассе. Кассирша, девушка лет двадцати, безразлично проводит товары сканером. Она смотрит на меня, но не видит. Не узнает. И я не могу не порадоваться этой анонимности, этому простому человеческому безразличию. Оно сейчас мой лучший союзник.

— Картой, — говорю я, протягивая ей кусок пластика. Тот самый “контролируемый” счёт. Пусть он видит, что я купила. Пусть видит, насколько я “безопасна”.

Возвращаюсь домой. В прихожей пахнет кофе и тишиной. Напряженной, звенящей.

Из гостиной выходит Владислав. Он не просто останавливается. Он заполняет собой все пространство. Как всегда. С присущим ему величием. В его руке чашка. Больше чем уверена, что это опять эспresso, и скорее всего он только что помешал ложечкой сахар, так как я еще слышу тихий

звон. Он прислоняется к косяку, скрестив руки на груди. Его взгляд не допрос, а сканирование. Он изучает меня, как дорогой прибор, проверяя на исправность.

— Куда ездила?

— В магазин.

— Я не про это. Что ты делала в другой части города?

— Покупала лекарство, — протягиваю ему пачку. Он внимательно читает то, что написано на упаковке, и его лицо искажается.

— Могла бы просто сказать. Зачем впихивать это мне в руки?

— Ты сам спросил. В следующий раз могу попросить съездить кого-то из твоих водителей. Или, может, ты сам?

— Не впутывай меня в это. Лучше скажи, почему так долго ехала после магазина? — произносит он ровным тоном, в котором слышится не вопрос, а проверка. Он не кричит. Он никогда не кричит. Его сила в этой леденящей уверенности.

— Очереди, — пожимаю я плечами, прохожу мимо него на кухню, стараясь, чтобы шаги были спокойными. — Можешь сам в следующий раз съездить, если не веришь. Там, кстати, сметана по акции, твоя любимая.

Начинаю выкладывать покупки на стол. Хлеб, молоко... Пачка прокладок. Коробка тампонов. Я кладу их специально, ближе к краю, рядом с его любимым сыром.

Он стоит в дверях и наблюдает. Его взгляд задерживается на гигиенических принадлежностях, и его лицо на секун-

ду искажает та самая, знакомая мне до тошноты, брезгливость. Ему, рассуждающему о “продолжении рода”, о великом наследии, противны эти низменные, женские, физиологические детали. Они напоминают ему о том, что он не всемогущ, что есть вещи, которые он не может и не хочет контролировать.

— Ну уж нет, — говорит он, морщась и отводя взгляд, будто увидел нечто постыдное. — Оставь это на себе. Нечего... этим... в общем, этому не место на общем столе.

Я поворачиваюсь к нему и медленно улыбаюсь. Холодной, безжизненной улыбкой, которую я когда-то подсмотрела у него самого.

— Я даже не удивлена, Влад.

Я больше не добавляю ничего. Просто продолжаю расставлять продукты по местам. Он стоит рядом ещё мгновение, и я вижу в его глазах не гнев, а лёгкое, почти незаметное раздражение.

Как от назойливой мухи, которую пока нельзя прихлопнуть. Потом он разворачивается и уходит, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и тяжёлого, невысказанного давления.

Эта маленькая, приватная победа ничего не меняет в глобальном смысле. Адвоката я не нашла. Он все ещё держит все нити. Но он увидел мою улыбку. Он увидел, что его брезгливость не ранила меня, а была мной предсказана. И, кажется, впервые за долгие годы в его монолитной уверен-

ности мелькнула крошечная трещина.

Трещина. В которую я и буду бить. Снова и снова. Пока он не разобьётся вдребезги.

Глава 10

Оксана

Вечер. Я стою у плиты, механически помешивая соус. В голове карусель из проваленных встреч и испуганных лиц адвокатов. Где найти того, кто не испугается? Того, у кого есть и принципы, и смелость, чтобы пойти против системы, которую выстроил Влад?

Рядом на кухне мои девочки. Марина с яростью моет картошку, будто пытается содрать с неё кожуру вместе с памятью об отце. Ирина режет зелень, её движения медленные, несобранные. Ее нож раз за разом соскальзывает с укропа, и у меня закрадывается мысль о том, что она может пораниться.

Тишину разрывает шаг. Тяжёлый, уверенный. Влад входит на кухню, уже одетый в выходной костюм. Воздух мгновенно становится густым и колючим, как будто включили невидимую морозилку. Марина так сильно сжимает картофелину, что я слышу хруст. Возможно, это ее сжатые пальцы, а возможно, картофелина сдалась под ее напором.

— Ты уходишь? — спрашиваю я, не оборачиваясь. Голос ровный, как столешница.

— Да. Ужинать не буду. На меня не готовь.

Будто я в последние годы когда-либо готовила специально для него. Он просто привык, что мир вертится вокруг его

графика.

— Хорошо, — говорю я спокойно.

Ирина поднимает голову. В её глазах мольба и непросохшие слезы.

— Пап..., — ее голос дрожит, срывается на шепот. — Ты... ты идешь к ней? К ним?

Он поправляет манжет рубашки, его взгляд скользит по ней без малейшей теплоты, как по неодушевленному предмету, который вдруг издал звук.

— Ирина, не задавай глупых вопросов. У меня просто дела. Ты же знаешь, что мне часто приходится отлучаться.

Знает. И она, и я, и каждый в этом доме. Только раньше все безоговорочно верили в его “дела”, а сейчас этот пузырь лопнул.

— Тебе еще любопытно, какие именно у него могут быть дела столь поздним вечером? — встревает Марина. — Какое уж тут может быть любопытство? Все и так понятно, — она не смотрит на отца, её слова шипящие, обращены к сестре, но бьют точно в него. — Ира, переставай уже верить в чудеса. Он же не на работу идёт в восемь вечера в новом костюме и с парфюмом, которым от него разит за километр. Он идет играть в счастливую семью. В идеального папочку для своего чудного наследника.

— Марина, — спокойно говорю я, но она не слышит. Её ярость, копившаяся весь день, находит выход.

— Ты что, думала, он придет к нам, извинится и мы все

вместе сядем смотреть семейный фильм о любви? — бросает она Ирине, швыряя вымытую картофелину в миску с такой силой, что вода расплескивается. — Он нам не отец. Уже давно. Ему плевать и на тебя, и на меня, и на маму. Он спонсор. А спонсоры, как известно, частенько меняют невыгодные проекты.

Влад замирает. Поворачивается к Марине, и в его глазах впервые за сегодня появляется нечто живое. Только это не отцовское тепло, а холодная, безразличная злоба.

— Ты хоть раз думала, что говоришь, или университет, за который я плачу бешеные деньги, не учит уважению?

— А ты хоть раз думал, что делаешь? — парирует Марина и наконец поворачивается к нему. Её лицо бледное, губы поджаты. — Или твой статус не подразумевает ответственности?

Воздух накаляется до предела. Ирина зажимает уши, её плечи трясутся.

— Хватит! — мой голос режет кухонную напряжённость, как нож. Я смотрю на Марину, вкладывая в свой взгляд всё, что могу: “Остановись. Он не стоит твоих нервов”. — Марина, успокойся. Пожалуйста.

Она закусывает губу, отворачивается к раковине. Я вижу, как ее спина ходит ходуном от напряжения.

Влад смотрит на нас. На плачущую Иру, на взбешенную Марину, на меня, стоящую с половником, как с оружием. И на его лице не раскаяние, а безгливое раздражение, словно

он наблюдает за дурно воспитанными чужими детьми.

Он больше ничего не произносит. Ему не нужно. Он просто разворачивается и уходит. Его шаги затихают в прихожей, за ним с глухим щелчком захлопывается входная дверь.

Тишина, которую он оставляет после себя, оглушительна. Ирина срывается с места и бежит в свою комнату. Я слышу, как там захлопывается дверь и доносится приглушенное рыдание.

Марина всё ещё стоит, вцепившись пальцами в край раковины, глядя в окно на темнеющее небо.

— Ты же всегда была у меня такой рассудительной. Умеющей контролировать свои эмоции, — говорю я тихо, без упрека. — А сейчас ведешь себя, будто от твоей истерики мир перевернется, и отец внезапно скажет, что все увиденное нами было жестокой шуткой.

— Знаю, — выдыхает она, и в её голосе прорывается та боль, которую она так яростно скрывала за гневом. — Знаю. Но я... я не думала, что будет так... больно. Так по-настоящему, — она сглатывает, и я вижу как тяжело ей даются эти слова. — Когда это показывают по телевизору, это как кино. Интересная картинка. А когда все происходит в жизни... в нашей жизни и он вот так вот просто уходит к ним...

Я подхожу к ней, кладу руку на её сжатый кулак.

— А ты скажи, — шепчу я, — когда он в последний раз вообще был другим?

Она замирает, задумывается.

— Давно, — наконец выдавливают она. — Когда я была маленькая. Помню, как он катал меня на плечах.

— Правда. Я уже и забыла, — подтверждаю я. — Когда ты была малышкой. Когда у него ещё ничего не было. Ни статуса, ни денег, ни нужды постоянно доказывать свою значимость. А потом его стали показывать по телевизору. И этот образ стал для него важнее нас. И вам пора это принять.

Марина оборачивается ко мне. В её глазах нет слёз. Только та самая сталь, которая начинает прорастать и во мне.

— Принять — не значит простить, так ведь, мам?

— Принять — значит перестать обманывать себя, — отвечаю я. — Значит, понять правила игры. А правила изменились. Теперь это война. А на войне плачут только после победы. От счастья.

Я смотрю на дверь, за которой рыдает Ирина. На Марину, которая учится превращать боль в злость. И понимаю, что мой самый главный поиск — это даже не адвокат. Это способ защитить их. И ради этого я сломаю любую стену, которую он построил.

Глава 11

Оксана

Ночь. Вокруг густая, беззвездная, давящая темнота. Я лежу на нашей широкой кровати, слишком просторной для одного человека, и впервые в жизни понимаю, что мне здесь становится физически невыносимо. Пространство, которое я делила с любимым мужем двадцать лет, внезапно стало чужим. Холодным.

Для меня лечь спать одной не впервые. Влад часто задерживался.

“Работа, совещания, срочные вызовы” — всегда оправдывал он свои поздние возвращения.

Я каждый раз кивала, целовала его в щёку, чувствуя лёгкий запах его одеколона и чужого, офисного воздуха, а сама находила ему оправдания.

“Он строит будущее для нас. Для девочек. Он устаёт”.

Я верила в эту игру. Я была самым преданным зрителем в его спектакле. Но сейчас... сейчас я знаю. Я знаю, где он сейчас. Не в кабинете. Не за бумагами. Он в другом доме. В другой спальне. С другой женщиной. И, возможно, прямо сейчас он обнимает своего сына, и поправляет ему одеяло. И от этого знания во мне поднимается не боль. Не ревность. Не ярость.

Ничего.

Внутри абсолютный вакуум. Ледяная, звенящая пустота, которая страшнее любой боли. Боль — это чувство. Это жизнь. А это... это небытие. Я провожу рукой по груди, как будто пытаюсь нащупать там рану, но нахожу лишь холодную, гладкую стену, за которой ничего нет.

Боль ушла. Она испарилась где-то между тем, как он впервые не пришел ночевать, сославшись на “завал на работе”, и тем, как я перестала спрашивать. Она растворилась в сотнях холодных ужинов, в его равнодушных поцелуях в лоб, в тех вечерах, когда мы молча сидели в гостиной, каждый в своем телефоне, разделенные всего парой метров, но пропастью непонимания.

Мы давно не живем как семья. Мы два соседа, которые делят одну квартиру. Мы обмениваемся вежливыми фразами за завтраком, координируем графики, даже вместе ходим на приемы, чтобы поддерживать красивую картинку. И дело не в том, что мы перестали спать в одной постели. Дело в том, что мы перестали быть одним целым. Мы стали параллельными линиями, которые когда-то пересеклись, а теперь бесконечно удаляются друг от друга.

Дверь в спальню с тихим, жалостливым скрипом приоткрывается. В щель проскальзывает узкая полоска желтого света из коридора. Она падает на ковер, выхватывая из мрака край тумбочки. А потом в эту полоску вступает босой ногой Ирина.

— Мам? — ее шепот такой тихий, что его почти не слыш-

но. — Ты не спишь?

Я не отвечаю. Я просто смотрю на неё. Она крадется по комнате, как маленькая девочка, которая боится разбудить родителей. Её силуэт, такой хрупкий в длинной ночной рубашке, кажется мне сейчас воплощением всего беззащитного в этом мире.

Она осторожно, словно боясь обжечься, присаживается на край кровати, а потом ложится рядом, прижимаясь ко мне всем телом. Она приносит с собой запах своей комнаты, духов, шампуня, и чего-то неуловимо родного, детского, того, что осталось в ней с тех пор, когда она была маленькой и прибегала к нам ночью из-за плохого сна.

— Мам, ты как? — она снова шепчет, и её голос влажный, сдавленный. — Этот день... он какой-то нереальный. Как будто всё это происходит не с нами. Как будто мы смотрим кино. Плохое, глупое кино, а выключить не можем.

Я медленно переворачиваюсь на бок, разворачиваясь к ней лицом, и обнимаю ее. Она такая тёплая, живая. А я чувствую себя пустой скорлупой.

— Так бывает, — выдыхаю я, и мой голос звучит хрипло от долгого молчания. — Всё меняется, Ирочка. Всё когда-нибудь заканчивается.

— Но папа..., — она всхлипывает, пряча лицо у меня на плече. Моя девочка. Такая взрослая, но все еще такая ранимая. — Вы же столько всего вместе прошли. Столько лет. Он бы... он бы даже не оказался там, где он есть сейчас, если бы

не ты. Я помню, как ты сидела с ним ночами, когда он только начинал. Как ты ему помогала.

Её слова падают в пустоту внутри меня и не находят отклика. Лишь слабое, горькое эхо.

Наверное, она права. Я была тем фундаментом, на котором он строил свою империю. Я была его тылом, его психологом, его единственным искренним критиком и самой яркой поклонницей в те времена, когда все остальные от него отвернулись. Я верила в него больше, чем он сам. Я вкладывала в него все свои силы, всю свою веру. Я твердила, как мантру: “Ты сможешь. У тебя получится. Я в тебя верю”.

А что я получила в итоге? Предательство. Глумливое, циничное, публичное. Нож в спину, который он воткнул не в порыве страсти, а хладнокровно, расчетливо, предварительно убедившись, что весь город будет держать меня за руку, пока он это делает. На моем лице появляется гримаса, нечто среднее между улыбкой и стоном. Грустная, бесконечно усталая ухмылка, которую никто не видит в темноте.

— Мам, — продолжает Ира, и ее пальцы судорожно сжимают мою пижаму. — Развод... он неизбежен, я понимаю. Я не ребёнок. Но папа... он же не согласится всё сделать тихо, через ЗАГС. Он не отдаст тебя просто так. Он будет держать. Унижать. Он не позволит тебе уйти, потому что для него это крах идеальной картинки. Осуждение на работе, в глазах тех, кто восторгается им. Поражение. Прямое поражение перед всеми. А он не проигрывает.

— Ир, — шепчу я, целуя её в макушку, впитывая её тепло, пытаюсь согреться. — Ты у меня такая взрослая. Тебе скоро о своей семье думать, о своей жизни, а ты обо мне печешься. Я как-нибудь справлюсь. В конце концов, мы живём в стране, где даже без согласия одного из супругов могут развести через суд. Главное не опустить руки и не прогнуться под его давлением.

Глава 12

Оксана

Ира смотрит на меня не моргая. Ее глаза выдают бушующий в ней страх вперемешку с отчаянием.

— И что дальше? — в её вопросе неподдельная тревога. Она сжимается в комок рядом со мной. — Mam, ты же понимаешь, что он тебе жизни не даст, если ты так сделаешь? Он уничтожит тебя. Он сожрёт тебя заживо и даже не поперхнется. Он же может всё! Он ни один раз доказывал нам это. Он пробивал стены, которые казалось, что невозможно сломать.

— И что? Что ты теперь предлагаешь? — спрашиваю я, и мой голос звучит ровнее, чем я ожидала. — Закрыть на всё глаза? Улыбаться ему за завтраком? Притвориться, что ничего не случилось, и играть роль счастливой мамы его внебрачному сыну? Целовать его в щёку, зная, что несколько часов назад он целовал другую?

— Я не знаю! — вырывается у неё сдавленный крик, полный отчаяния. Она вся дрожит. — Я не знаю, что делать, мам! Правда, не знаю! Я просто... я боюсь! Как все это будет? Он потом начнет срываться на нас? Вставлять палки в колеса мне и Марине?

Дверь снова скрипит. На этот раз резче, громче. На пороге вырисовывается высокая, прямая фигура Марины. Она не

крадётся. Она стоит, как страж, положив руку на косяк.

— И чего это ты тут маму опять в заблуждение вводишь? — её голос режет ночную тишину, не оставляя места для сомнений. Он твердый, как сталь, и холодный, как лед. — Опять льешь слезы и накручиваешь не только себя, но и всех вокруг? Опять “папа”? Да никакой он нам не папа, Ира. Он предатель. И точка. Пора бы это уже усвоить.

— Но он же наш отец! — шепчет Ирина, и в её голосе надлом, последняя попытка отстоять рухнувший миф. — Как можно просто взять и вычеркнуть из жизни человека? Отца. Столько лет... столько воспоминаний...

— А он нас не вычеркнул? — Марина делает шаг вперёд. Её слова — это удары хлыста, точные и безжалостные. — Он семь лет, Ира... семь лет скрывал от нас собственного сына! Он не просто изменил маме. Он годами водил нас за нос. Он предал не только её. Он предал нас всех. А то, что он сказал вчера? Напомнить тебе? Мы с тобой для него как бракованные вложения. Девочки, видите ли. Ему сын нужен был, понимаешь? Ему плевать на нас. И ты хочешь жить рядом с человеком, для которого ты второсортный ребёнок? Для которого твои чувства просто помеха на пути к его великому статусу?

— Я не хочу! — взрывается Ира, поднимаясь на локте. Её шёпот теперь срывается на крик, который она пытается подавить. — Я не хочу! Но что мы можем сделать? Слышишь? НИЧЕГО! Невозможно бороться с таким, как он! Он всех

купит! Всех задавит! У него деньги, власть, связи! Мы против него просто пыль!

— Нам и не нужно бороться с ним в лоб, как дуракам, — мой голос раздается внезапно четко. Я сажусь в кровати. Темная комната, которая еще несколько минут назад была склепом для моих мертвых надежд, вдруг преобразается. Она становится штабом. Командным пунктом. Я чувствую, как по спине бегут мурашки не от страха, а от холодной, выверенной решимости.

— Силу нельзя победить силой, когда ты заведомо слабее, — говорю я, глядя на силуэт Ирины. — Так ты только сломаешься. Надо быть умнее. Надо выбрать нужное время и нужное место. Победить можно кого угодно, Ира. Абсолютно. Если знать, куда бить.

— И какие, по-твоему, у него слабые места? — скептически, почти с вызовом, бросает Ирина. — У него же всё есть! Деньги! Власть! Что мы можем ему сделать?

— Его слабость — его репутация, — безжалостно, словно констатируя погоду, произносит Марина. Она подходит ближе и садится на край кровати, положив руку мне на колено. Ее прикосновение твердое, поддерживающее. — Его драгоценный образ “идеального семьянина”, “человека с высокими семейными ценностями”. Он его так лелеет, так на нем помешан. Он построил на этом весь свой бренд. Значит, это и есть его уязвимое место. Это и нужно разрушить.

— Именно, — подтверждаю я, и мои пальцы сжимаются

в кулак на одеяле. — Он панически боится скандала. Боится публичного позора. Боится, что его карточный домик, сложенный из лжи и лицемерия, рухнет на него же самого. Но мы его разрушим. Не резко. Не спонтанно. Нет. Так поступать нельзя с таким, как он. Мы аккуратно, по кирпичику, разберём эту стену, за которой он прячется.

Мы сидим втроем в большой кровати, в крошечной тьме, которая больше не кажется такой враждебной.

— Тогда..., — Ира выпрямляется. Ее взгляд испуганно бежит по сторонам.

— Завтра, — говорю я, и мой голос больше не дрожит. Он звучит ровно, спокойно. Я смотрю в темноту, на смутные очертания лиц моих девочек. — Завтра я начну искать адвоката. Не того, кто боится Владислава Орлова. Не того, кого он может купить. А того, кто так же, как и мы, ненавидит несправедливость. Того, для кого его имя будет не угрозой, а вызовом.

И впервые за этот бесконечно долгий, разорванный на “до” и “после” день, я чувствую не пустоту. Не отчаяние.

Я чувствую тихую, холодную, всепоглощающую решимость. Она поднимается из самой глубины того ледяного вакуума, что был внутри меня, и заполняет его собой. Она не греет. Она обжигает холодом. Но она дает опору. Дает цель.

Глава 13

Оксана

Я открываю глаза, и первое, что вижу — холодную, нетронутую подушку на его стороне кровати. Она лежит точно так же, как вчера ее оставили девочки. И в груди поднимается странное, почти незнакомое чувство. Не боль, не тоска. Облегчение. Ощущение какой-то свободы. Как-будто я скинула с себя тяжелый камень, который тащила на своих плечах, когда он уже был никому не нужен.

Девочки ушли к себе только во втором часу ночи. Мы долго говорили, сидя втроем на нашей кровати, в темноте. Говорили шепотом, как заговорщики. О том, как будем жить дальше. И все как одна решили, что втроем мы точно справимся. Эта мысль согревает изнутри, как глоток горячего чая в стужу.

Я встаю с кровати. Пол неприятно холодит ступни. За окном только началась осень, и отопление еще не включили, поэтому приходится завернуться в теплый махровый халат, чтобы не замерзнуть.

На завтрак я решаю приготовить сырники. Ирины, любимые. Может, хоть от этого крошечного жеста с моей стороны ей станет чуточку легче. Достая творог, яйца, муку. Движения медленные, тягучие, глаза слипаются.

Я почти не спала. Много думала обо всем, что случилось.

О том, когда это началось, но так и не нашла отправной точки. Уснула только когда небо начало озарять серыми бликами.

На автомате, ещё до того, как это осознать, тянусь к пульту и включаю телевизор.

Привычка, въевшаяся в подкорку за двадцать лет. Фоновый шум.

И тут же ловлю себя на этом. Рука замирает с ложкой творага в воздухе. Нет. Так нельзя. Нельзя больше позволять этому ящику диктовать настроение моего утра. Но выключить уже не хватает воли. Или, может быть, это уже не слабость, а бдительность?

Глаза ещё сонные, но слух произвольно настраивается на ровный голос диктора. И тут...

“Продолжаем следить за развитием новостей в семье известного всем Владислава Орлова. Напомним, на днях весь город стал свидетелем трогательной сцены. Владислав Орлов лично привёл своего семилетнего сына в первый класс. Однако, как выясняется, далеко не все в его семье оказались готовы принять столь откровенный поступок с его стороны”.

Мои пальцы сжимают край столешницы. В висках начинает стучать.

На экране появляется моё фото с какого-то благотворительного вечера. Я улыбаюсь, но глаза уставшие. Рядом крупный план фотографии Влада с тем самым мальчиком на руках. Он смотрит на него с такой нежностью, какой я не ви-

дела много лет.

“Информированные источники утверждают, что супруга Владислава Орлова, Оксана Орлова, была категорически против того, чтобы мальчик появился в публичном поле. По некоторым данным, все эти годы она настаивала на сохранении тайны. Теперь же, когда правда раскрылась, женщина, по словам наших источников, устраивает своему мужу настоящие истерики и категорически отказывается позволять своему мужу появляться в общественных местах в компании своего возможного наследника...”

Ложка с творогом с глухим стуком падает в миску. Руки немеют. Но не от отчаяния. Нет. От волны чистой, бесприемной ярости, ненависти. Она поднимается из самого нутра, обжигая горло.

Такой низкий, такой подлый удар. Он не просто выставил меня душой. Он сделал меня злодейкой. Монстром, который мешает “идеальному” отцу воспитывать собственного сына. Как же искусно он перевирает факты! Как мастерски подменяет понятия!

Я продолжаю смотреть, не в силах оторваться. Словно наблюдаю, как аккуратно, хирургическим скальпелем, разрезают мою жизнь, мою репутацию на куски.

“Психологи отмечают, что подобная реакция жены не редкость в публичном пространстве. Столкнувшись с единоличным решением показать миру всю свою семью, некоторые женщины действительно начинают вести себя неадекватно,

пытаясь всеми силами помешать воплотить мечты мужа в реальность. А ведь мы все знаем, насколько долго Владислав мечтал именно о сыне, и его рвение рассказать о нем всему свету весьма понятно...”

Новости наконец переходят к другой теме. К курсу доллара, к бесконечным пробкам. Я стою, опершись о столешницу, и дышу, стараясь унять дрожь в коленях. В голове гудит. Он... он знал. Знал, что я включу телевизор. Знал, что я это увижу. Он всё спланировал. Это не просто удар ниже пояса. Это послание. Четкое и недвусмысленное.

В кармане халата вибрирует телефон. Медленно, словно в замедленной съёмке, я достаю его.

Сообщение от Влада. Удивлена ли я? Ни капли.

“Как тебе новости? Понравились? Я предупреждал тебя. Какие адвокаты, Оксана? Думала, что я не узнаю? Одумайся. Не заставляй меня идти до конца”.

Я читаю эти строки раз, другой, третий. Буквы пляшут перед глазами. Первое серьезное предупреждение. Не угроза расправой, не шантаж.

Холодное, расчетливое, демонстративное уничтожение в СМИ, подкрепленное смс. Он показывает мне всю мощь своего аппарата. Показывает, что любое моё движение будет тут же замечено, искажено и использовано против меня.

Не долго думая, печатаю ответ. Без истерик. Без угроз. Просто констатация факта:

“Видимо, за столько лет совместной жизни ты так и не

узнал меня, Влад. Или не хотел узнать. Приятно познакомиться, я твоя жена и та, кто не будет сидеть смирно, сложив руки на коленочках, и ждать от тебя очередного удара”.

Я поднимаю голову и смотрю на экран телевизора, где теперь показывают солнечную погоду в Сочи. Горькая, кри-
вая улыбка медленно расплзается по моему лицу. Хорошо, Влад..

Значит, ты решил играть по-чёрному. Без правил. Грязно.

Я принимаю правила твоей игры. И теперь мы будем играть открыто.

Я выключаю телевизор. В кухне воцаряется тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Я подхожу к миске с творогом. Беру ложку. И начинаю медленно, методично вымешивать тесто для сырников. Каждое движение точное, выверенное.

Он думает, что такими ударами он сломит меня. Загонит обратно в стойло. Заставит молчать и подчиняться.

Он ошибается.

Глава 14

Оксана

Я мечусь по гостиной, как тигр в клетке. От окна к дивану, от дивана к камину, поглощенная собственными мыслями, планами, стратегией. Кажется, если я остановлюсь, то взорвусь, разлечусь на миллионы осколков.

— Как он мог? — заливается слезами Ирина, вцепившись в подушку, пока на телевизоре мелькает какая-то реклама. Она тоже видела новости. Это уже везде. На каждом канале. Сенсация, от которой не скрыться. — Это всё враньё! Как они смеют так про тебя говорить?! Мам, мы должны что-то сделать! Надо позвонить папе, попросить, чтобы он это остановил!

Её голос, визгливый и полный отчаяния, вливается в виски. Ещё секунда, и он разорвет и без того натянутую струну моего терпения.

— Ира, хватит! — звук моего голоса режет воздух, резче, чем я планировала. Я останавливаюсь перед ней, слегка сжимая ее плечи. — Прекрати эту истерику! Слезами и криками мы ничего не добьемся. Спокойно. Поняла? Давай, возьми себя в руки. Тебе же не десять лет, чтобы так реагировать.

Она замолкает, шмыгая носом, и смотрит на меня широкими, испуганными глазами. Я никогда не повышала на неё голос. Но сейчас нет времени успокаивать чьи-то детские

страхи.

Марина, напротив, сидит за столом с чашкой чая. Спокойная, как броневик. Её пальцы медленно обводят край чашки.

— Он решил играть грязно, — говорю я больше себе, чем им. Голос срывается, но внутри всё застывает, превращаясь в лёд. — Значит, и я буду. Если он хочет публичного скандала, он его получит. Пусть сам теперь думает, как всё это скрыть.

В голове, как вспышка, возникает лицо старой подруги. Алина. Мы с ней общались еще до того, как мой муж стал тем, кто всегда на слуху. Потом и она нашла себе мужа из его круга, но мы продолжали общаться. Без всего этого пафоса, а по-настоящему.

Я могла с ней поделиться всем. Даже самым откровенным. А ее мать — судья в отставке, но она до сих пор пользуется огромным влиянием в судебных кругах. Можно ли им доверять? Старая дружба... но в её глазах в последние годы я читала то же подбострастие перед Владом, что и у всех.

Но выбора нет. Это единственный шанс. Способ попробовать узнать хоть что-то.

Я набираю номер. Трубку поднимают почти сразу.

— Алина, привет. Это Оксана. Мне нужно с тобой поговор...

— Оксана! — перебивает она меня. — Из-за новостей, да? То, что там говорят... я знаю, что это все ложь.

— Спасибо. Да, я хочу кое-что обсудить и поговорить с твоей мамой. Можно я приеду?

— Конечно, приезжай. Я сейчас же позвоню девчонкам. Пусть и они приедут. Тебе сейчас как никогда нужна наша поддержка. Мы же все понимаем, — её голос звучит натянуто. — Мы будем тебя ждать.

Я быстро собираюсь, почти не глядя натягиваю джинсы и свитер. Девочки молча следуют за мной до машины и только тогда останавливаются.

— Мам, нам поехать с тобой? — интересуется Марина, пока Ира с опухшими от слез глазами смотрит куда-то сквозь меня.

— Не нужно. Оставайтесь здесь и..., — я бросаю взгляд на Иру, делаю глубокий вдох и возвращаюсь к Марине. — Присмотри за сестрой. Что-то она совсем плохо выглядит.

— Хорошо. Позвони мне потом, ладно?

Киваю и завожу двигатель. Всю дорогу в салоне царит гнетущее молчание. Я даже не включаю магнитолау, чтобы не отвлекаться от собственных мыслей. Чтобы и по радио не слушать о том, какая я плохая жена, раз не позволяю мужу показывать “нашего” сына.

Почти час в дороге, и Алина открывает дверь своего просторного дома совершенно одна. В ее гостиной пусто и тихо.

— И где все? — спрашиваю я, озираясь по сторонам. — Ты же говорила, позовешь...

— Оксан, сядь, — перебивает она, и ее лицо становится серьезным.

Я медленно опускаюсь на край дивана, чувствуя, как по

спине бегут мурашки. Предчувствие сжимает горло. Удивлена ли я, что никого нет? Нет. Отнюдь. Я особо и не ждала, что кто-то бросится ко мне с помощью, но все же чувство, что тебя предали, проникает под кожу, заставляя морщиться от отвращения.

— Все отказались, — тихо говорит Алина, избегая моего взгляда. — Как только услышали, о чём пойдёт речь. Катя, Лена, Валя... они все...отказались приезжать.

Воцарившаяся тишина гудит в ушах. Я чувствую, как бледнею.

— Как же это предсказуемо, — фыркаю я. — Но вы ведь знаете, что это ложь, — мой голос слегка срывается, я пытаюсь его контролировать, но не выходит. — Всё, что показывают... это чистой воды ложь. Это не мой сын. Я не устраиваю истерик мужу. Я просто хочу поставить точку и уйти. Просто уйти!

— Слушай, Оксан, — Алина наконец смотрит на меня, и в её глазах не сочувствие, а усталая жалость. — Все прекрасно понимают, что тут к чему. Но если они встанут на твою сторону, то автоматически окажутся против него. Ты сама понимаешь, что это значит.

— А разве они не мои подруги? — в моем вопросе слышится надлом. Последняя надежда.

— Оксан, даже если бы они захотели помочь... Ты же знаешь, что их мужья этого не допустят. Никто не захочет наживать себе такого врага, как твой муж. Ты одна в этой битве.

От её слов в груди образуется ледяная пустота. Я одна. Окруженная сотнями людей, но одна. Совсем одна.

— А ты? — почти выдыхаю я. — Твоя мать? Она же судья. Она может мне помочь. Хотя бы советом. Рассказать, как мне действовать. Она же ни раз сталкивалась с подобным.

Алина мотает головой, и в её движении что-то окончательное.

— Нет. Она сказала, что не поможет. И не будет вмешиваться. Она так и сказала: “Я не буду вмешиваться. И ты не лезь в это дело, дочь. Сожрут и ее, и тебя, и при этом не поперхнутся”.

Всё. Круг замкнулся. Стена, которую выстроил Влад, оказалась выше и прочнее, чем я могла предположить. Он отрезал мне все пути к отступлению, к помощи.

Значит, остаётся только один.

Я с силой мотаю головой, словно стряхивая оцепенение, и с вызовом смотрю на Алину.

— Даже если вы все трусили и отказались мне помогать, то я всё равно подам заявление.

Достаю телефон. Руки предательски трясутся, пальцы скользят по стеклу, сбиваясь. Я открываю приложение. Нахожу раздел. “Подача заявления о расторжении брака в судебном порядке”. Заполняю наши с ним данные. Имя, фамилия, паспортные сведения. Каждая буква даётся с трудом. Пара минут и все. Кнопка “Подать” окрашивается в синий.

Я готова. Пусть я одна в этой битве, но я не позволю помыкать мной, так как ему заблагорассудится. Алина наклоняется и накрывает мою руку своей, закрывая экран.

— Оксана, нет. Подумай хорошо. Это бесполезно. Попробуй... попробуй договориться с ним. Найти компромисс.

Я смотрю на неё, и во мне что-то обрывается. Договориться? Компромисс? С человеком, который только что публично растоптал мое имя? Который годами строил свою жизнь на лжи?

— Договориться? — мой голос звучит хрипло и неестественно тихо. — Как можно с ним договориться, если вся его жизнь, вся его карьера построены на этой лжи? Здесь нет места компромиссу. Тут только суд. И развод.

Я решительным движением убираю её руку. Палец находит кнопку. Я делаю глубокий вдох и нажимаю.

На экране появляется зеленая галочка и надпись:

“Ваше заявление принято к рассмотрению”.

Я поднимаю глаза на Алину. Она смотрит на меня и медленно, с бесконечной грустью, качает головой.

— Что же ты наделала...

А я смотрю на экран и чувствую не страх, а странное, горькое облегчение. Ход сделан. Обратной дороги нет. Теперь посмотрим, что он сможет с этим сделать.

Глава 15

Оксана

Алина смотрит на меня с таким выражением лица, будто я объявила о своем намерении прыгнуть с крыши небоскреба и при этом остаться невредимой. Её взгляд полон смеси жалости, непонимания и лёгкого раздражения.

— Оксан, ну подумай, — она тянется за уже остывшей чашкой с кофе, избегая моих глаз. — Тебе правда этого не хватает? Скандалов, судов, пересудов? Всё же можно как-то уладить. Сесть, поговорить.

Я молчу, сжимая в кармане телефон. Экран всё ещё горит тем самым подтверждением. Она говорит, будто предлагает мне помириться из-за разбитой вазы, а не из-за того, что мой муж семь лет ходил на сторону и завел себе вторую семью.

— У него сын от другой женщины, — говорю я, и каждое слово даётся мне с трудом, будто я выплёвываю осколки стекла. — А он теперь выставляет его за моего. Понимаешь? За моего ребёнка, которого я, по версии новостей, все эти годы прятала. Это же абсурд!

Алина отводит взгляд, пожимает плечами. Её равнодушие обжигает сильнее, чем прямая злость.

— Ну, подумаешь, — бормочет она. — Мало ли таких в его мире? У всех свои скелеты в шкафу. Все как-то живут, находят компромиссы.

“В его мире”. Эти слова повисают в воздухе, как приговор. Его мир. Мир статусов, пиара, грязных сделок и красивых обложек. И мой мир. Мир, в котором я растила наших детей, верила ему, строила дом, который оказался карточным.

— В его мире, может, и не мало, — мой голос звучит тихо, но чётко. Я смотрю на неё прямо, заставляя встретиться со мной взглядом. — Но в моём я такого не приемлю.

Она вздыхает, поставив чашку с лёгким стуком.

— Оксана, ты ведёшь себя так, будто всё ещё любишь его.

От этих слов у меня перехватывает дыхание. Она производит это с лёгкой насмешкой, как будто речь идёт о какой-то несусветице. Любить собственного мужа. В его мире, может, это и кажется чем-то нереальным, но в моем...

— В наше-то время, — продолжает она, — и с его-то статусом... О чём ты? Какая любовь? Ты же сама знаешь, что её там нет и в помине.

Я молчу. Глотаю ком в горле. Губы плотно сжаты. Потому что я знаю, что это неправда.

Я знаю, что люблю его. Всегда любила. И вышла за него замуж, когда он ещё не имел ничего. Я наивно полагала, что это навсегда, но жизнь оказалась сурова.

Это знание живёт во мне глубоко, под слоями обиды, гнева и этой леденящей пустоты. Оно, как заноза, сидит где-то в самом сердце, напоминая о себе резкой болью, когда я видела его уставшим и позволяла себе погладить его по виску. Когда он, смеялся своим настоящим, не для камер, смехом,

и весь мир на секунду становился светлее. Я знаю, каким он может быть. Знаю, что он может быть тёплым, умным, остроумным, тем человеком, ради улыбки которого я когда-то была готова на всё.

И я не могу. Я не могу просто взять и вычеркнуть это. Стереть, как ошибку с чистого листа. Даже с учётом того, как мы жили эти последние годы. Даже с тем холодом в его глазах, который появился и с каждым днём становился всё пронзительнее.

Я всё равно верила. Надеялась. Убеждала себя, что это лишь маска, которую он вынужден носить для “них”. Для того самого “его мира”. Что где-то внутри всё ещё живёт тот мужчина, который смотрел на меня так, будто я целая вселенная.

Но он заигрался. Слишком сильно заигрался в свою роль всемогущего покровителя, хозяина жизни. И то, что он творит сейчас. Этот циничный спектакль с чужим ребёнком, эта травля в СМИ, это холодное уничтожение доказывает это во всей красе. Он не просто надел маску. Он сросся с ней. И убили его не власть и деньги. Они лишь дали ему возможность показать своё истинное лицо.

— Ты права, Алин. Несмотря на все происходящее вокруг и на то, как долго мы с тобой общаемся, — я смотрю на нее и мне становится за нее обидно, — ты стала одной из них. Такой же пустой. Той, кто готов прогнуться и закрыть на все глаза, лишь бы не потерять свой комфорт. Но я... я не буду

такой.

Я, не говоря больше ни слова, оставляю ее дом и возвращаюсь к себе по ночному городу. Огни фонарей размазываются по мокрому асфальту, превращаясь в длинные желтые полосы. Алина права. Я абсолютно одна в этой битве против титана. Одна с моей болью, моей яростью и моим разрушенным миром.

Телефон в руке светится. Тонкая синяя полоска проскальзывает по обе стороны экрана. Я открываю уведомление из суда. “Отказ в принятии заявления. Некорректные данные”.

Я проверяю всё снова и снова. Имя, фамилия, даты, серии и номера паспортов. Всё верно. Всё идеально. Значит, это он. Влад. Он уже дотянулся и сюда. Он успел за какие-то часы заблокировать мне даже эту, последнюю формальность. Как? Какими связями, каким давлением? Зубы сжимаются так сильно, что челюсть сводит болью, но я не отступлюсь.

Глава 16

Оксана

Я возвращаюсь в квартиру. В прихожей темно и тихо. Я не включаю свет, скидываю куртку и иду на кухню, к рауну. Мне нужно умыться. Смыть с себя этот день, этот унижительный отказ, этот взгляд Алины.

Но вода не помогает. Ярость, темная и густая, подступает к горлу. Я сжимаю край раковины, готовая кричать, бить кулаком по стене.

В голове мелькает мысль: “Сбежать. Собрать вещи и раствориться”, но я быстро отгоняю ее. Бегство тут не поможет. Тем более девочки. У них здесь учеба и я не могу оставить их рядом с отцом, которому на них, как оказалось, наплевать.

Я подсчитываю, что у меня есть по финансам. Сбережения, накопления. Этого вполне хватит, чтобы продержаться как минимум пол года. Это моя подушка безопасности, которую я выстраивала, зная, что в жизни случается всякое. И вот оно случилось. Только я не думала, что это “всякое” будет настолько унижительным. Плюс мой бизнес. Пусть небольшой, но и с него есть доход.

И тут я слышу его шаги. Тяжёлые, неспешные. Влад входит на кухню и включает свет. Я зажмуриваюсь от резкой вспышки.

— Ну что? — его голос спокоен, даже с оттенком скуки.

— Поняла, что ничего у тебя не выйдет? Оксана, прими уже реальность. СМИ под контролем, адвокаты, если им дорога их карьера, не полезут в это. Сейчас еще это заявление. Смирись уже. У тебя нет ни единого шанса. Ты не сможешь противостоять такому, как я.

Я медленно поворачиваюсь к нему. В глазах стоит туман от ярости.

— Хочешь сказать, — мой голос дрожит, я с трудом его сдерживаю, — что я даже на развод подать не могу? Не имею права? У меня нет права на свою собственную жизнь?

— Не можешь, — чеканит он, делая шаг ко мне. Его лицо освещено жёстким светом люстры, и на нём нет ни тени сомнения. — Я не давал тебе разрешения. Я четко обозначил свою позицию. Развода не будет.

— Разрешения? — я издаю хриплый, неузнаваемый звук, нечто среднее между смехом и рыданием. — Я, по-твоему, собака, которая ждет разрешения от хозяина? Ты сегодня выставил меня истеричкой в новостях! Я знаю, зачем ты это делаешь!

— Чтобы показать, где твое место, — спокойно говорит он. — Чтобы не питала иллюзий и уже уgomонилась. Оксана, у меня есть дела поважнее, чем контролировать то, что ты пытаешься провернуть за моей спиной, — он качает головой, и в его взгляде мелькает что-то ледяное и расчетливое.

— Ты делаешь это, чтобы сначала уничтожить меня как личность. Сломать. А потом показать всем, какой ты хоро-

ший. Какой великодушный. Что ты готов принять обратно свою неадекватную жену, что твои ценности превыше всего. Это красивая история. И она будет иметь оглушительный успех. Тебе это на руку.

Я смотрю на него, и сквозь пелену гнева ко мне приходит горькое, окончательное осознание. Я вижу всю картину. Весь его гениальный, отвратительный план.

— Вот только ты думаешь, что, уничтожив меня, я буду стелиться перед тобой, — мои слова звучат тихо, но каждое из них как отточенное лезвие. — И это... твоя главная ошибка.

На моём лице появляется горькая, кривая усмешка. Усмешка человека, который наконец-то увидел дно и оттолкнулся от него.

— Допустим, ты права. И что дальше? Будешь угрожать мне? Выступишь с опровержением? Да тебя быстрее в дурку упрячут после такого заявления.

— Знаешь, а ведь я тебя любила, — перебиваю его я, и мой голос теперь ровный, почти бесстрастный. В нём лишь констатация давно умершего факта. — До того самого момента, пока не увидела тебя на экране с тем ребёнком. Несмотря на твою отстраненность. На твою холодность последних лет. Во мне всё ещё теплилась какая-то надежда. Какая-то глупая, детская вера, что ты вернешься к тому себе, которого я полюбила. От которого я родила детей. Но ты убил это во мне. Одним щелчком камеры. Одной этой кар-

тинкой. У нас не осталось ничего, Влад. Ничего, кроме этой пустой, красивой оболочки, которую ты так отчаянно пытаешься спасти для своего имиджа.

Я делаю шаг к нему, глядя прямо в его холодные, пустые глаза.

— Остановись пока не поздно. Давай расстанемся без всей этой грязи. Не опускайся в моих глазах еще ниже. Там уже некуда. Хотя бы в память о нашей совместной жизни.

Он слушает, но его лицо — каменная маска. Ни единой морщинки, ни единой эмоции. Ни вспышки гнева, ни тени сожаления. Ничего.

И тогда он произносит всего одну фразу. Одну. Но её достаточно, чтобы добить меня, перечеркнуть, уничтожить всё, что могло еще оставаться.

— А что если нет? — он говорит это с напором. — Что если я не отступлю от своих слов? Ты же понимаешь, что ты красивая картинка, к которой привыкли все в моем обществе. Приложение, которое нельзя удалить. Иначе всё будет уже не так. Это все для них. И я докажу тебе, что ты ничего не сможешь мне сделать. Абсолютно ничего.

Он поворачивается и уходит. Его шаги затихают в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.